

Эдогава Рампо

Призрак

Перевод с японского Натальи Румак

Рампо Э. Призрак // газета *Ortu Solis*, 2019, № 2, 7–9

— Цудзидо-то, негодяй, помер наконец.

Когда доверенный с торжественным лицом сообщил эту новость, господин Хирата сильно удивился. Он, конечно, знал, что Цудзидо уже довольно давно прикован к постели болезнью, и всё же не мог и помыслить, что этот человек, докучавший ему своими нападка́ми, сделавший целью жизни отомстить своему врагу (которого он сам себе и назначил), постоянно всем твердивший, что «ни за что не умрёт, пока не выпустит наружу кишки этому гаду», так и отойдёт в мир иной, не выполнив своего намерения.

— *Это точно?* — невольно переспросил господин Хирата у доверенного.

— Точнее некуда. Я только что своими глазами видел, как начались его похороны. На всякий случай даже поспрашивал по округе. Всё так и есть. Сын с отцом вдвоём жили, папаша помер, а сынок, бедняга, весь в слезах рядом с гробом идёт — совсем не похож на папашу, такой слабак.

При этих словах господин Хирата почувствовал разочарование. И то, что он обнёс усадьбу высокой бетонной оградой, и то, что утыкал верх этой ограды осколками стекла, и то, что сдал почти задаром привратницкую семье околоточного, и то, что завёл себе пару могучих учеников-прислужников, и то, что ни днём, ни уж конечно в ночную пору не выходил из дому без крайней на то надобности, а если уж выходил, обязательно заставлял учеников сопровождать себя — в общем, всё, что он ни делал, было из страха перед одним человеком: Цудзидо. Поскольку

господину Хирате удалось за свою жизнь нажить огромное состояние, приходилось ему время от времени совершать и кое-какие грехи. Людей, питавших к нему глубокую ненависть, было немало. Впрочем, сам господин Хирата на это внимания не обращал, лишь с полупомешанным стариком Цудзидо не знал, как справиться. Услышав, что его противник умер, господин Хирата вздохнул с облегчением, но одновременно ощутил какую-то тоску, будто исчезло то, что придавало его жизни остроту ощущений.

На следующий день господин Хирата на всякий случай сам отправился в тот район, где проживал Цудзидо, чтобы аккуратно разведать, как обстоят дела. Там ему удалось подтвердить правдивость сообщения доверенного лица. Убедившись, что всё в полном порядке, господин Хирата ослабил постоянную напряжённую бдительность и ощутил давно забытое чувство свободы и спокойствия.

Домашним, не знавшим деталей, показалось странным внезапное оживление обычно мрачного господина Хираты, их удивил дотоле не слышанный ими смех, теперь иногда срывающийся с его губ. Впрочем, долго его живость не продлилась. Вскоре домочадцам пришлось столкнуться с ещё более глубокой, чем ранее, ипохондрией хозяина.

В течение трёх дней после похорон Цудзидо ничего не происходило, но утром четвёртого дня господин Хирата, который, откинувшись на спинку стула в своём кабинете, разбирал доставленную в тот день почту, вдруг побелел, наткнувшись среди вороха других писем и открыток на письмо — измятое, но подписанное явно знакомым почерком.

«Это письмо, наверное, дойдёт до тебя после того, как я умру. Ты, вероятно, приплясываешь от радости, узнав о моей смерти. И должно быть, вздыхаешь свободно — мол, наконец-то всё спокойно. Да вот только не бывать этому. Ведь даже если моё тело умрёт, моя душа ни за что не успокоится, пока не расправится с тобой. Твои дурацкие предосторожности, пожалуй, были действительны против живого человека. Я и впрямь не знал, что делать. И всё же, как бы ты ни остерегался, против духа, что может, словно дым, проникнуть куда угодно, даже такой богач, как ты, не сможет принять никаких мер. Знаешь ли, я, будучи прикован тяжёлой болезнью к постели и не умея шевельнуть ни рукой, ни ногой, дал такую клятву: если не смогу на этом свете расправиться с тобой, после смерти непременно вернусь мстительным духом онрё, чтобы погубить тебя. Много десятков дней я думал в своей постели только об этом. Думал, как быть, если не сбудется это моё желание. Берегись! Мечь духа онрё, знаешь ли, гораздо страшнее, чем возможности живых людей».

Примерно таким было содержание письма — мало того, что почерк был неразборчивым, написано оно было, помимо иероглифов, сплошь катаканой¹, так

что читать его было нелегко. Письмо, без сомнения, писал Цудзидо; измученный болезнью, он вложил в него всю свою душу. Ясно было также, что он велел сыну после своей смерти бросить это письмо в почтовый ящик.

— Что за глупости! Неужели он думал, что напугает меня этими детскими угрозами? Не иначе как в своём преклонном возрасте, да ещё и из-за болезни он просто выжил из ума.

Господин Хирата посмеялся тогда над письмом с угрозами мертвеца, но с течением времени понял, что не может справиться с неясной тревогой, потихоньку растущей в его душе. Его немало раздра-

¹Катакана — одна из двух фонетических азбук японского языка. В Японии принято так называемое «смешанное письмо», в котором иероглифы используются для записи значимых частей слова, а азбука хирагана — для записи служебных элементов, изменяемых частей слов и др., употребление же катаканы ограничено, поэтому без привычки читать текст, состоящий из иероглифов и знаков катаканы, довольно сложно.

жало то, что никак нельзя защититься, что неизвестно, с какой стороны и каким образом нападёт противник. Днём и ночью его стали мучить дурные фантазии. Бессонница всё усиливалась.

С другой стороны, беспокойство вызывало и наличие у Цудзидо сына. Конечно, в отличие от своего отца, он был нерешительным человеком, так что вряд ли можно было от него ожидать вреда, но всё же, если бы он решил напасть, подчиняясь воле отца, дело могло принять нехороший оборот. Подумав об этом, господин Хирата немедленно призвал к себе человека, которого раньше нанял, чтобы следить за Цудзидо, и приказал ему теперь наблюдать за сыном.

После этого без всяких происшествий прошло несколько месяцев. Тревожность господина Хирата не уменьшалась, и бессонница так просто не проходила, но и страшной мести духа, которой он опасался, не было, да и сын Цудзидо не предпринимал никаких угрожающих действий. В конце концов даже всегда осторожный господин Хирата стал постепенно считать эти бесполезные меры глупостью.

Однако как-то вечером произошло следующее событие.

Господин Хирата, против обыкновения, заперся один в кабинете и что-то писал. В их квартале усадеб и особняков, несмотря на ранний вечер, было уже тихо. Разве что иногда доносился издали тоскливый собачий вой.

— Вот, доставили. — В комнату вошёл ученик, положил на край стола конверт и молча вышел.

Господин Хирата сразу понял, что это фотография. Дней десять назад устраивали празднество в честь основания одной компании, и её учредители снялись все вместе. Господин Хирата тоже был в числе учредителей, так что ему, видимо, прислали фотокарточку.

Господин Хирата не испытывал особого интереса, но как раз устал и решил передохнуть от письма, поэтому сразу разорвал конверт и взглянул на фотографию. Какое-то мгновение он разглядывал её и вдруг, будто прикоснувшись к чему-то нечистому, швырнул фото на стол и беспокойно обвёл комнату глазами.

Спустя какое-то время его рука робко потянулась к листку, который он только что отбросил. Но лишь взглянув на него, он снова отшвырнул его в сторону. Он несколько раз повторил эти странные действия и, лишь немного успокоившись, смог внимательно рассмотреть снимок.

Это определённо не было иллюзией. Он тёр глаза, пробовал протирать поверхность фотографии, но страшная тень на ней никуда не исчезала. По спине господина Хираты пробежал холодок. Он вдруг схватил снимок, изорвал его в мелкие клочки и бросил в печку, потом поднялся и на дрожащих ногах выбежал из кабинета.

Вот и пришло то, чего он боялся. Мстительный дух Цудзидо начал проявлять себя.

Ведь это его огромное жуткое лицо, растянутое почти на весь снимок, смутно белело за отчётливыми фигурами учредителей! И это его чёрные глаза на расплывчатом лице с ненавистью сверлили взглядом господина Хирату!

От пережитого ужаса господин Хирата, совершенно как напуганный ребёнок, натянул на голову одеяло и всю ночь дрожал от страха, но на следующее утро — вот она, великая сила солнца! — понемногу пришёл в себя.

«Не может такого быть, это глупости. Вечером у меня что-то было с глазами», — внушив себе эту мысль, он вошёл в залитый ярким утренним солнцем кабинет. К сожалению, фотография сгорела без следа, но о том, что это не было сном, свидетельствовал конверт, всё ещё лежавший на столе.

Если вдуматься, страшно было в любом случае. Допустим, на фотографии и правда было лицо Цудзидо, тогда дело оборачивалось совсем уж жутким, особенно учитывая письмо с угрозами. Нельзя отрицать того, что в мире существует нечто, не объяснимое обычной логикой. Но если же это была самая обычная фотография, и только сам господин Хирата видел на ней что-то, становилось ещё страшнее, ведь тогда, видимо, проклятье Цудзидо начало действовать, и господин Хирата постепенно сходил с ума.

В течение нескольких дней господин Хирата не мог больше ни о чём думать постоянно размышляя о том снимке.

Он додумался даже до такой ерунды, что Цудзидо мог когда-то сняться в том же фотоателье, а изображения со старой фотопластинки и с нынешней случайно наложились друг на друга, и специально отправил в ателье посыльного разузнать, но такого упущения, конечно, случиться не могло, да и в журнале фотомастера не нашлось ни одного человека по имени Цудзидо.

Прошла ещё неделя. Передали, что из фирмы, с которой господин Хирата имел дела, звонит управляющий, так что господин Хирата без всякой задней мысли поднёс к уху трубку стоящего на столе телефона, как вдруг из неё раздался странный смех:

— У-ху-ху-ху!

Господину Хирате показалось было, что смех доносится издалека, но тут же необычно громкий хохот прозвучал будто у самого его уха. Сколько он ни переспрашивал, собеседник лишь смеялся.

— Алло! Это ты, ...-кун? — раздражённо кричал в трубку господин Хирата, но голос постепенно стихал и, удаляясь обрывистыми смешками, исчез совсем, сменившись резким голосом оператора на коммутаторе: «Какой номер? Какой номер? Номер говорите!»

Господин Хирата со стуком швырнул трубку на рычаг и некоторое время неподвижно сидел, уставившись в одну точку. Пока он сидел так, бесформенный страх выполз из глубин его сердца и мало-помалу охватил всё его существо. Это ведь был столь знакомый ему смех Цудзидо. Господин Хирата, со страхом глядя на телефонный аппарат у себя на столе и будучи не в силах оторвать от него взгляд, пятясь задом, медленно выбрался из комнаты.

Бессонница господина Хираты постепенно усиливалась. Часто он, только заснув было, внезапно снова вскакивал с ужасным криком. Домочадцев очень беспокоило такое состояние хозяина. Поэтому они умоляли его показаться врачу.

Если бы это было возможно, господин Хирата хотел бы вцепиться в кого-нибудь, точно как маленький ребёнок с криком «Боюсь!» вцепляется в мать. Ему хотелось рассказать кому-нибудь всё о своих страхах. Но, конечно, это было невозможно, поэтому он заявлял: «Подумаешь, просто нервное истощение», — и отказывался идти на приём, делая перед домашними вид, что всё в порядке.

Так прошло ещё несколько дней. Было назначено собрание акционеров компании, где господин Хирата был директором, и ему необходимо было сказать там несколько слов. В течение полугода компания демонстрировала небывало прекрасные результаты, да и других проблем не возникало, поэтому достаточно было выступления с формальным отчётом. Он давно привык выступать, стоя перед почти сотней акционеров, поэтому говорил спокойно, словно опытный актёр на сцене.

Однако через некоторое время он, во время речи конечно же обводя взглядом лица слушающих его акционеров, вдруг заметил нечто странное, а заметив, невольно умолк и стоял в молчании довольно долго, так что люди вокруг почувствовали что-то неладное.

Там, из-за спин множества акционеров пристально глядело на него ничуть не изменившееся лицо покойного Цудзидо.

— С учётом всего вышесказанного...

Господин Хирата взял себя в руки и чуть повысил голос, пытаясь продолжить выступление. Однако почему-то ему никак не удавалось отвести взгляд от этого жуткого лица, сколько он ни пытался подбодрить себя. Он всё больше терялся. Речь скомкалась. А лицо, так похожее на физиономию Цудзидо, при этом, словно издеваясь, вдруг ухмыльнулось.

Господин Хирата даже не помнил, как закончил речь. Коротко поклонившись, он отошёл от стола и, не обращая

внимания на подозрительные взгляды, побежал к выходу из комнаты в поисках обладателя так напугавшего его лица. Но сколько он ни искал, такое лицо ему не попадалось. На всякий случай он вернулся к почётным местам и, встав недалеко от того места, где находился ранее, внимательно осмотрел лица каждого акционера по отдельности, но не смог найти даже просто похожего на Цудзидо.

Большой зал, где проходило собрание, находился в здании, куда свободно мог зайти любой, так что среди слушателей мог случайно оказаться человек, похожий на Цудзидо, а когда господин Хирата отправился его искать, он, возможно, уже ушёл. Но разве бывают на свете столь похожие лица? Господин Хирата размышлял и так, и сяк, но не мог отделаться от мысли, что это событие имеет отношение к жуткому заявлению умирающего Цудзидо.

После того случая господин Хирата довольно часто видел лицо Цудзидо. Как-то раз он заметил его в театральном коридоре, ещё раз — в тёмном парке, в другой раз — на оживлённой улице большого города, куда приехал в путешествие, а один раз даже перед воротами собственной усадьбы. В последнем случае господин Хирата чуть не потерял сознание. Он тогда за полночь вернулся домой и только собирался въехать на своём автомобиле в ворота, как оттуда бесшумно вышла какая-то тень и прошла мимо автомобиля, и в тот краткий миг, когда тень поравнялась с машиной, то самое лицо заглянуло в окошко.

Это снова было лицо Цудзидо. Однако, когда господин Хирата, добравшись до входа в дом и с трудом придя в себя при звуках голосов встречавших его ученика и служанки, отправил водителя на поиски, никаких теней уже нигде не было.

«А может, этот наглец Цудзидо жив? И просто мучает меня своими инсценировками?» — такая мысль внезапно пришла в голову господину Хирате.

Но в докладах доверенного лица, который всё так же продолжал следить за сыном Цудзидо, ничего подозрительного не обнаруживалось. Если бы Цудзидо был жив, он должен был хоть раз за это долгое время появиться у сына, но ничего подобного не происходило. Кроме того, самым странным казалось то, как живой человек может знать обо всех передвижениях господина Хираты. Господин Хирата и всегда-то был себе на уме и, выходя из дома, не только прислуге, но и домашним часто не сообщал, куда направляется. Так что для появления в тех же местах известному лицу пришлось бы непрерывно следить за воротами усадьбы и следовать за автомобилем.

автомобилем. Но район был пустынным, и невозможно было не заметить появление другой машины, да и контор по найму автомобилей поблизости не было. Тем более не мог он следовать за господином Хиратой пешком. Как ни крути, а ничем иным кроме как возмездием призрака всё происходящее нельзя было объяснить.

— Или же это мне кажется.

Но даже если это всё только казалось господину Хирате, страх его не уменьшался. Господин Хирата не знал, что делать.

Впрочем, ломая так голову, он вдруг придумал великолепный план.

— Это уж наверняка. И почему я раньше до этого не додумался?

Господин Хирата живо прошёл в кабинет, взял кисть и от имени сына Цудзидо написал в администрацию того места, откуда Цудзидо был родом, запрос о выдаче копии посемейной записи. Если в посемейной записи будет указано, что Цудзидо всё ещё жив, тогда он окажется у господина Хираты в руках! Господин Хирата надеялся, что именно так всё и будет.

Через несколько дней из местной администрации пришла копия. Но, к разочарованию господина Хираты, имя Цуд-

зидо было крест-накрест перечёркнуто красным, а сверху отчётливо прописана дата и время смерти, а также дата получения заявления об этом событии. Места для сомнений больше не оставалось.

— Что с вами происходит в последнее время? Вы не больны ли? — все, кто встречал господина Хирату, с заботой в голосе задавали этот вопрос. Да и самому господину Хирате казалось, что он внезапно постарел. Седых волос на голове прибавилось по сравнению с тем, что было всего пару месяцев назад.

— Как полагаете? Может быть, вам съездить куда-нибудь для восстановления сил? — Так как на посещение врача господин Хирата никак не соглашался, домочадцы начали уговаривать его сменить обстановку.

Поскольку и сам господин Хирата, увидев то лицо у своих ворот, уже и в усадьбе не чувствовал себя спокойно и действительно подумывал о том, чтобы развеяться в путешествии, он согласился на уговоры и решил ненадолго съездить на морское побережье в тёплые места.

Раздавая приказания заранее отправить открытку в выбранную гостиницу, чтобы приготовили комнату, и собрать необходимые вещи, выбирая себе спутников, господин Хирата впервые за долгое

время пришёл в хорошее расположение духа. Он даже, хоть и несколько наигранно, резвился, словно юноша, собравшийся на пикник.

Действительно, добравшись до побережья, он, как и ожидалось, почувствовал большое облегчение. Ему понравились яркие приморские пейзажи. Понравился и простой, открытый характер местных жителей. Комната в гостинице была удобной. Город, хоть и находился на побережье, был известен не столько морскими купальнями, сколько своими горячими источниками. Господин Хирата проводил время, принимая ванны и прогуливаясь по тёплому морскому берегу.

Непохоже было, что лицо, которое так его беспокоило, появится в этом солнечном месте. Господин Хирата, даже прогуливаясь по безлюдному морскому берегу, наконец-то перестал вздрагивать от испуга.

Однажды он зашёл чуть дальше, чем обычно, в такие места, где ещё не бывал. Он рассеянно шёл вперёд, а когда очнулся, увидел, что уже начало темнеть. На широком песчаном пляже никого не было, и лишь слышался жутковатый грохот набегавших и шорох откатывающихся волн — до-дон!-шшурххх-до-дон!-шшурхх — словно (хотя, может быть, это было только игрой воображения) море сообщало о каком-то несчастье.

Господин Хирата поспешил обратно к гостинице. Идти было неблизко. В худшем случае солнце могло сесть ещё до того, как он прошёл бы половину пути. Обливаясь потом, он торопливо шагал вперёд.

Из-за звука собственных шагов господину Хирате казалось, будто за ним кто-то идёт, и он то и дело, вздрогнув, оборачивался. Беспокоили его также и серые тени на сосновой аллее, в которых будто кто-то прятался.

Через какое-то время он мельком увидел по ту сторону слегка поднимавшегося в гору песчаного пляжа фигуру человека. Это его как-то подбодрило. Он ускорил шаг, решив поскорее дойти до человека и заговорить с ним, чтобы прогнать охватившее его странное чувство, и вскоре достиг цели.

Подойдя поближе, господин Хирата увидел, что это был уже довольно пожилой человек — он сидел на корточках и глядел в другую сторону — похоже, глубоко о чём-то задумался.

И вдруг, услышав шаги господина Хираты, человек, словно испугавшись, быстро обернулся. Его бледное лицо отчётливо выделялось на фоне пепельного пейзажа.

— Ах!

Увидев это лицо, господин Хирата сдавленно вскрикнул и бросился бежать. Пятидесятилетний мужчина мчался, не разбирая дороги, словно первоклашка, играющий в салочки.

Лицо человека, обернувшегося к нему, было лицом Цудзидо, которое он надеялся никогда здесь не увидеть.

— Осторожнее! — Увидев, как бежавший куда глаза глядят господин Хирата споткнулся и упал ничком, к нему подбежал какой-то юноша. — Что с вами? Ах, да вы расшиблись!

Господин Хирата содрал ноготь и тихонько постанывал. Юноша достал из рукава² чистый носовой платок и ловко замотал рану, а потом почти донёс на себе до гостиницы господина Хирату, который от пережитого страха и боли ослаб так, что не мог и шагу ступить.

Господин Хирата слегка беспокоился, не сляжет ли, но на следующее утро проснулся в сравнительно бодром состоянии. Нога болела, так что думать о прогулке не приходилось, но поел он как обычно.

Как раз когда он закончил завтрак, его зашёл проведать вчерашний молодой человек. Оказалось, что он тоже остановился в этой гостинице. Слова соболезнования и благодарности постепенно перешли в обычную болтовню. При этом господин Хирата, отчасти потому что нуждался в собеседнике, отчасти из благодарности, неожиданно разговорился.

Когда сидевший рядом слуга господина Хираты вышел, юноша, словно только этого и ждал, вдруг сменил тон и сказал:

— Честно говоря, вы вызвали мой интерес, как только приехали сюда, и я наблюдал за вами. У вас что-то стряслось? Может быть, вы мне расскажете?

²В кимоно «карман» образуется благодаря специальному крою рукава.

Господин Хирата сильно удивился. Неужели этот юноша, с которым он только что познакомился, что-то знает?! Да и не слишком ли дерзкие вопросы он задаёт? Господин Хирата до сих пор никому не рассказывал о призраке Цудзидо. Ему было стыдно, и он просто не мог никому ничего сказать о такой глупости. Поэтому и сейчас, отвечая на вопрос юноши, он, конечно, не раскрыл истинного положения дел.

Однако в потоке вопросов и ответов — видимо, благодаря своему замечательному искусству собеседника — юноша, словно по волшебству, разговорил даже такого неподатливого человека, как господин Хирата. И помогла этому небольшая обмолвка господина Хираты. С обычным собеседником, возможно, удалось бы как-то выкрутиться, но с юношей это не получилось. С невероятной ловкостью он вытягивал из господина Хираты одну подробность за другой. Конечно, дело было ещё и в том, что разговор происходил наутро после вчерашнего испуга, но господин Хирата, словно потеряв свободу воли, тем глубже увязал в беседе, чем старательнее пытался сменить тему. В конце концов ему так и пришлось выложить всё без остатка про призрак Цудзидо.

Узнав всё, что хотел, юноша с совсем уже невероятной ловкостью, ничуть не уступавшей той, с которой он выведал всё у господина Хираты, перевёл разговор на другие темы. А когда он, извинившись за то, что злоупотребил гостеприимством, вышел из комнаты, господин Хирата не только не почувствовал недовольства тем, что его вынудили всё рассказать, но наоборот, понял, что рассчитывает на юношу.

Так прошло дней десять без особых происшествий. Господин Хирата, хоть и с неприятным чувством вспоминал о произошедшем здесь, всё же постоянно продлевал своё пребывание — во-первых, потому что нога всё ещё болела, а во-вторых, ему было приятнее оставаться в этой оживлённой гостинице, чем возвращать-

ся в скучную токийскую усадьбу. Кроме того, его новый знакомый — юноша с его интересными беседами тоже сыграл немалую роль в том, что господин Хирата задержался в этом месте.

Юноша и сегодня зашёл в гости и внезапно со странной улыбкой сказал следующее:

— Теперь вы можете отправляться куда угодно. Больше призрака не появится.

В первое мгновение господин Хирата не понял смысла этих слов и растерялся. К его растерянности примешивалось и неприятное ощущение, как у человека, которого ткнули в больное место.

— Я понимаю ваше удивление от такой внезапной новости, но это ни в коем случае не шутка. Призрак пойман. Вот, взгляните на это.

Юноша развернул телеграмму, которую сжимал в руке, и показал её господину Хирате. Вот что там было написано: «Согласно вашим предположениям, признание получено. Жду дальнейших указаний».

— Это пришло от моего друга из Токио, а «признание получено» означает, что призрак Цудзидо — то есть не призрак, а сам живой Цудзидо — признался.

Всё это было так внезапно, что господин Хирата ничего не понимал и в растерянности переводил взгляд с юноши на телеграмму и обратно.

— Видите ли, я именно такими делами и занимаюсь: моё хобби — обнаруживать в разных уголках тайны и странные происшествия и распутывать их, — неприступно объяснил юноша, улыбаясь. — Когда я услышал от вас тогда эти жуткие рассказы, я сразу по привычке подумал, нет ли здесь каких хитростей. По вашему виду не скажешь, что у вас слабые нервы и вы способны выдумать такого призрака. Кроме того, хотя, возможно, вы и не обратили внимания, ваш призрак явно появлялся только в определённых местах. Ведь подумайте о тех адресах, куда вы приезжали: казалось бы, призрак мог появиться где угодно и как угодно, но, если вспомнить все случаи, вы поймёте, что в основном это происходило на открытых пространствах. А если даже призрак и появлялся под крышей, это было в коридоре театра или в общественном здании — то есть только там, куда может попасть любой. Будь это настоящий призрак, он не испытывал бы никаких проблем с тем, чтобы появляться везде, где угодно — да хоть в вашей усадьбе, а не только на открытом воздухе. Однако в вашей усадьбе, кроме случая с фотографией и телефонным звонком, он лишь раз показал вам лицо у ворот — опять же, там, где может оказаться любой человек. Разве это не противоречит самой природе призрака?

Вот я и задумался. Были кое-какие сложности, поэтому розыски заняли какое-то время, но в конце концов нам удалось его схватить.

Господин Хирата, слушая этот рассказ, никак не мог поверить юноше. Он ведь тоже, заподозрив, что Цудзидо может быть жив, запросил копию посемейной записи. И был обманут в своих надеждах. Каким же образом этот юноша смог так легко установить истинный облик призрака?!

— Да что вы, задумка была очень простая. Вам не удалось разобраться, в чём дело, наверное, именно потому, что это было слишком просто. Но те правдоподобные похороны обманули бы кого угодно. Ведь кто бы мог хоть на секунду представить, что такая инсценировка будет устроена не в иностранном детективном романе, а в центре Токио! Ещё очень важной деталью было то, что Цудзидо набрался терпения и прервал всякое общение с сыном. Так со всеми преступлениями: верный способ одурачить противника — сдерживать свои чувства и поступать вразрез с тем, что люди считают естественными человеческими стремлениями. Видите ли, человек склонен

делать выводы о чужих чувствах, сравнивая людей с самим собой, и в результате вынеся ошибочное суждение, не замечает этой ошибки. Опять же, появление призрака проходило гладко. Как вы и сказали тогда, если за человеком постоянно будут следовать, куда бы он ни направлялся, кто угодно испугается. Да ещё эта копия семейной записи — декорации были выстроены прекрасно.

— Вот именно. Если допустить, что Цудзидо был жив, то я в толк не могу взять, во-первых, эту фотографию — хорошо, допустим, мне это просто показывать; но то, что он всегда знал, куда я направляюсь, да и семейная записка! Ведь невозможно даже и представить, чтобы в семейные записи вкралась ошибка! — воскликнул господин Хирата, незаметно для себя увлечшись рассказом юноши.

— Я тоже раздумывал в основном над этими тремя пунктами. Всё думал, нет ли способа найти какое-то рациональное объяснение этим фактам, которые выглядели абсолютно иррационально. А потом я обнаружил, что в этих трёх событиях, на первый взгляд совершенно непохожих, есть нечто общее. Вы скажете — что за глупость! Но это очень важно для решения загадки. Дело в том, что все эти три события были связаны с почтой. Ведь фотографию вам прислали? И с семейной записью то же самое. Да и то, куда вы ходили, разве не связано с ежедневной вашей перепиской? Ха-ха-ха, кажется, вы тоже уже всё поняли. Цудзидо работал рассылным в ближайшем к вам почтовом отделении. Можно не сомне-

ваться, что он переодевался — ведь его так никто и не узнал. Я уверен, что он просматривал всю почту, которая приходила к вам в усадьбу, и ту, что вы отправляли из усадьбы. Это очень просто. Если подержать над паром запечатанный конверт, можно открыть его так, что не останется никаких следов вскрытия. Так он и подделал вашу фотографию и копию документа. Ваши передвижения можно легко понять, если просматривать вашу корреспонденцию, вот он и изображал

призрака, поджидая вас в соответствующих местах в те дни, когда не выходил на службу или отпрашивался под разными предложениями.

— И всё же — допустим, фотографию при некотором старании можно изготовить, но разве можно так быстро подделать копию посемейных записей?

— А это не подделка. Достаточно самому дописать нужное, изобразив почерк чиновника. Стереть что-то, написанное на таких копиях, сложно, а вот дописать —

проще простого. Даже в тех учреждениях, где никогда не бывает промашек, нет-нет да и случается недосмотр. Возможно, это прозвучит странно, но копии посемейных записей не могут подтвердить то, что человек жив. С главой семьи такого, конечно, не проделать, а вот для всех остальных членов семьи достаточно зачеркнуть имя красным и сверху написать, что заявление о смерти принято — вот и получится, что живой стал мёртвым. Все уже давно привыкли слепо доверять документам из учреждений, так что никто и внимания не обратит. Я в тот

день написал письмо на родину Цудзидо с просьбой прислать ещё одну копию и, когда увидел её, понял, что был прав. Вот, взгляните.

С этими словами юноша вынул из-за пазухи документ и положил его перед господином Хиратой. Там в графу «глава семьи» был вписан сын Цудзидо, а в следующую графу — сам Цудзидо. Он отошёл от дел ещё до того, как инсценировал свою смерть. Имя его перечёркнуто не было, а сверху был лишь удостоверен приём заявления о передаче дел, и знака, означающего «смерть», тоже не было.

Вот так, благодаря этому случаю, в список друзей предпринимателя господина Хираты было добавлено имя детектива-любителя Когоро Акэти.